

Глава XII

Наступление 2-й русской армии в Восточную Пруссию со стороны р. Нарева

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНСКОГО МАНЕВРА

Схема 58

20 августа Гумбиненское сражение окончилось для германцев полной неудачей, что произвело в германской главной квартире в Кобленце переполох, который еще более усиливался беженцами, распространявшими панические слухи. Сообщение Притвица об отходе 8-й армии на Вислу хотя и входило в первоначальные предположения на случай неудачи, тем не менее возможность завоевания русскими Восточной Пруссии, этой колыбели прусского юнкерства, заставила германское командование особенно чутко реагировать на положение 8-й армии.

Вечером 20 августа штаб 8-й германской армии получил от Шольца, командира 20-го корпуса, сведения о переходе русскими войсками, наступающими от Нарева, южной границы Восточной Пруссии. В штабе армии предполагались разные планы, но потрясенный Притвиц настоял на отходе, по крайней мере, к Висле, почему и были приняты для этого соответствующие меры.

В ночь на 21 августа усиленный 20-й германский корпус, прикрывавший ранее границу западнее Мазурских озер, был перемещен западнее на нейденбургское направление, однако считали, что его сил для задержки наступления русских с юга будет недостаточно. Вследствие этого в район западнее 20-го корпуса германцы решили перебрасывать 1-й корпус по железной дороге через Кенигсберг к Гослерсгаузену, а 3-ю резервную дивизию к Дейч-Эйлау. К 26 августа против русской Наревской армии немцы рассчитывали собрать до 7 дивизий (1-го и 20-го корпусов). Эта группа должна была задержать русских и дать возможность прочим войскам (17-му корпусу, 1-му резервному и 1-й кавалерийской дивизии) отойти к Висле.

ЗНАЧЕНИЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ 1-й РУССКОЙ АРМИИ

Схема 58

Между тем 1-я русская армия не преследовала отходящих перед нею германцев, она простояла на месте 22 августа. Конница

топгалась на месте. Армия приводила себя в порядок, упорядочивала тылы. Ренненкампф только 22 августа берет управление в свои руки и отдает приказ № 3 — овладеть 23 августа Цулкинерским лесом, г. Гумбином, Буйленским лесом, Динглаукеном, т. е. сделать переход в 15 км, что и было армией выполнено к вечеру.

Командование 1-й армией считало, что в бою 20 августа неприятель отбит на всем фронте, отошел на несколько километров и укрепляется. В смысле неумения организовать разведку противника при наличии крупных масс конницы штаб 1-й русской армии побил, пожалуй, все бывшие до сего времени рекорды.

Остановка 1-й армии после Гумбиненского сражения до полудня 23 августа еще раз свидетельствует о беспорядочном состоянии управления армией со стороны Ренненкампфа и его штаба. Ложные донесения самого Ренненкампфа в штаб фронта, составляемые на основе плохо сопоставляемых донесений из подчиненных инстанций, начинают вызывать постепенно проводимую в жизнь мысль об опасности со стороны Кенигсберга, для устранения которой необходимо его обложение. План русского командования в его первоначальном виде уже начинает получать первые трещины, пока еще в сознании командующих верхов.

ЗАДАЧИ 2-й АРМИИ

Схемы 58 и 59

Начиная с 20 августа 2-я армия, постоянно подталкиваемая ставкой и особенно командующим фронтом генералом Жилинским, ввиду обязательства России перейти в наступление против Германии после 14-го дня мобилизации, продолжала свое наступление в соответствии с директивой, данной генералом Самсоновым 20 августа. Эта директива указывала на то, что противник сосредоточил более дивизии в районе Нейденбург, Сольдау, Гильгенбург, имея передовые части у Млавы; кроме того около дивизии находится в районе Иоганисбург, Лык. 2-й корпус получил задачу обеспечивать правый фланг армии, наступая на фронт Летцен, Иоганисбург; 6, 13, 15, 23 и 1-й корпуса получили приказ выйти на линию Фридрихсфельде, Вален, Куцбург, Янов, Млава. Полосы для наступления были указаны: 2-му корпусу — справа: Липовка, Поломен, Летцен, включительно, слева: Долистово, Якубен, Рудшаны, исключительно; 6-му корпусу — справа: полоса 2-го корпуса, слева: Мясткова, Пелты, Зееданциг (около Ортельсбурга), исключительно; 13-му корпусу — справа: полоса 6-го корпуса, слева: Колаки, Рыцице, Пухаловен, Омудев, исключительно; 15-му корпусу — справа: полоса 13-го корпуса, слева: Псары, Луково, Воля-Вержбовска, Кошлау. 23-му корпусу (без 3-й гвардейской дивизии и 1-й стрелковой бригады) было указано перейти в район Козичин, 1-му корпусу — западнее, а гвардейскому корпусу — в Плонск для обеспечения левого фланга армии. 4-я кавалерийская дивизия должна была охранять правый фланг 6-го корпуса со стороны Мазурских озер и поддерживать связь со 2-м корпусом; 6-я и 15-я кавалерийские дивизии получили задачу освещать

тить полосу, ограниченную с востока линией Млава, Сольдау, Гильгенбург и с запада — Серпец, Страсбург, Бишофсвердер.

Собственно во 2-ю русскую армию входили: 2, 5, 13, 15, 23 и 1-й корпуса, 4, 6 и 15-я кавалерийские дивизии, общей численностью 200 батальонов, 72 эскадрона, 81 легкая батарея, 12 легких гаубичных, 3 тяжелых, всего 96 батарей с 702 орудиями.

Командовал армией генерал Самсонов, получивший высшее военное образование и приобретший себе известность в качестве начальника кавалерийского отряда в русско-японскую войну 1904—1905 гг. После этой войны он недолго был начальником штаба Варшавского военного округа, с каковой должности был переведен в Туркестан военным губернатором, где и находился до начала войны. Почти десятилетие, проведенное на чисто административной работе, конечно, должно было отразиться на умении владеть сложным искусством вождения армии. Ко всему надо добавить, что Самсонов и Ренненкампф после ссоры по поводу деятельности в войну 1904—1905 гг. были личными врагами. Естественно, это не могло не отразиться на взаимоотношениях обоих во время операции в Восточной Пруссии; так, например, прямой связи между 1-й и 2-й армиями не было, да и никто о ней не заботился.

2-я армия медленно продвигалась в пределы Восточной Пруссии через песчаную, болотистую, лесистую полосу севернее Нарева, которую сами русские привели в заброшенное состояние, с целью затруднить вторжение германцев с севера в Польшу.

Требования Франции заставляли форсировать наступление армии, еще не организовавшей своего тыла, что заставляло войска испытывать много лишений и вызывало преждевременную усталость.

К вечеру 22 августа армия вышла на фронт Ортельсбург, Нейденбург. В этот же день 2-й армейский корпус был передан в состав 1-й армии, уменьшив этим состав армии до четырех корпусов. Всего в течение трех дней 2-я армия при большом напряжении прошла от 20 до 30 км.

23 августа прибыли в Восточную Пруссию Гинденбург и уже известный нам по боям у Льежа Людендорф. Прежнее германское командование 8-й армии было сменено вследствие пессимистического настроения Притвица и для удовлетворения германского «общественного мнения», а главное — юнкерства, которое не могло примириться с мыслью об очищении Восточной Пруссии вплоть до Вислы.

Гинденбург и Людендорф, ознакомившись с проводимыми уже мерами, остались при решении, которое принял Притвиц. В это время 8-я германская армия разделилась как бы на две группы: западную — в составе 20-го усиленного корпуса, спешившего на помощь 1-го корпуса и 3-й резервной дивизии, и восточную — 17-й корпус, 1-й резервный корпус, 6-я ландверная бригада и 1-я кавалерийская дивизия. Считая недостаточными силы западной группы для борьбы с наступающими от Нарева русскими до тех пор, пока сюда не прибудет восточная группа, германское командование привлекает для содействия западной группе все, что

можно было взять из привислинских крепостей, сосредоточив эти силы к Гослергаузену и Страсбургу, направив в то же время 1-й корпус к Дейч-Эйлау. В отношении восточной группы явилась мысль, пользуясь бездействием 1-й русской армии, направить 17-й и 1-й резервные корпуса против 2-й русской армии с востока (схема 59).

БОИ У ФРАНКЕНАУ, ОРЛАУ 23 и 24 АВГУСТА

Схема 59

20-й германский корпус к утру 23 августа занимал следующее положение: 37-я пехотная дивизия — у Франкенау, Орлау; 41-я пехотная дивизия — Гильгенбург, Турау; отряд Унгерна — у оз. Ковнаткен; 3-я резервная дивизия прибыла к Алленштейну. Корпус был расположен на заранее укрепленной позиции с хорошим обстрелом и с проволочными заграждениями.

Командир 20-го корпуса генерал Шольц был хорошо осведомлен о движении русской армии, которая к утру 23-го достигла следующих пунктов: 6-й корпус — Ортельсбурга; 13-й — Виленберга; 15-й — Нейденбурга; 2-я пехотная дивизия (23-го корпуса) — Кослау; 1-й корпус — окрестностей Сольдау; 4-я кавалерийская дивизия — Дембы; 6-я — Куклин; 15-я — Стара-Весь. Штаб армии — Остроленка.

Русские глубокой армейской разведки перед фронтом не вели и не имели сведений о противнике, а германцы точно знали о группировке и передвижении русских войск из незашифрованных передач по радио распоряжений русского командования.

Отход 17-го и 1-го резервного корпусов совершался беспрепятственно по направлению Норденбург, Гердауен, под прикрытием с востока и севера 1-й кавалерийской дивизией.

Между тем в штабе 2-й русской армии знали только то, что происходило непосредственно на фронте корпусов, что же касается ориентировки из штаба фронта, то она базировалась на устаревших и лживых сведениях, получаемых из 1-й армии.

23 августа, когда 2-я армия после тяжелых переходов остановилась на дневке, командующий фронтом генерал Жилинский сообщил о том, что германские войска после тяжелых боев, окончившихся «победой генерала Ренненкампа», поспешно отступают, взрывая за собой мосты. Далее Жилинский приказывал, оставив один корпус у Сольдау и обеспечив левый фланг уступом, всеми остальными силами энергично наступать на фронт Сенсбург, Алленштейн, который занять не позже 25 августа; Жилинский разъяснял, что это движение имеет целью наступление навстречу противнику, отходящему перед армией Ренненкампа, с целью пресечь немцам отход к Висле.

Это сообщение Ренненкампа являлось сплошной ложью, так как после двухдневного стояния на поле Гумбиненского сражения 1-я армия только к вечеру 23 августа вышла на линию Пеленикен, Динглаукен, упустив германцев. Ни о каком «преследовании» не было и речи. Таким образом, ложные донесения о продвижении вперед и преследовании германцев приводят к изменению напра-

вления наступления 2-й армии, которая теперь должна была наступать не на линию Растенбург, Зеебург, а на линию Сенсбург, Алленштейн.

Повидимому, желание оставить части 23-го корпуса на уступе привело к выдвиганию в этот же день 15-го корпуса к северу в общем направлении на Алленштейн, куда пути шли через позиции 37-й германской дивизии.

15-й корпус стоял на дневке, имея 8-ю пехотную дивизию в районе Валендорф, Нейденбург и 6-ю пехотную дивизию у Пильграмсдорфа; западнее находились части 23-го корпуса у Кослау. Корпус, прервав дневку, выступил после полудня 8-й дивизией в направлении на Орлау, Лана и 6-й на Франкенау, Скотау. Дивизии шли в бригадных колоннах.

Вскоре после начала движения авангарды колонны попали под артиллерийский огонь. 8-я пехотная дивизия захватила ценой больших потерь высоты в районе Орлау, германцы поспешно отступили. С наступлением темноты бой прекратился.

Из ряда поступивших донесений от частей и высланных офицеров генерального штаба стало выясняться, что немцы значительными силами занимают укрепленную позицию на линии деревень Орлау, Франкенау.

Одновременно выяснилось, что левая колонна корпуса (2-я бригада 6-й дивизии) имеет против себя незначительные силы немцев. Оренбургский казачий полк, следовавший впереди корпуса, наткнувшись на позицию, отошел за пехоту.

На основе этих сведений 15-му корпусу было приказано атаковать неприятеля на рассвете 24 августа, не ожидая подготовки атаки артиллерийским огнем, а 13-й корпус должен был ударить частью своих войск в обход левого фланга немцев.

Как представляло себе армейское командование обстановку к исходу дня 23-го, видно из директивы 2-й армии, отданной 23 августа в 17 ч. 30 м., которая указывала, что противник, разбитый 1-й армией, поспешно отступает от р. Ангерап, прикрываясь, повидимому, со стороны 2-й армии частями своего 20-го корпуса в районе Алленштейна. 1-я армия преследует отступающего. При такой оценке обстановки, вследствие ложных сведений из 1-й армии, у Самсонова, естественно, должна была возникнуть мысль — не упустить уходящего перед 1-й армией противника и тем довершить его разгром.

В соответствии с указаниями штаба фронта Самсонов приказывает своей армии выйти на линию Сенсбург, Алленштейн, с тем чтобы 24 августа корпуса заняли фронт Рибельн, Шефельсдорф, Ваплиц, а 25 августа — линию Соркитен, Бишофсбург, Вартенбург, Алленштейн, Хохенштейн; 1-му корпусу, оставаясь в районе Сольдау, обеспечить операцию со стороны Дейч-Эйлау; 4-й кавалерийской дивизии, заняв 24 августа Сенсбург, обеспечить правый фланг армии, а 6-й и 15-й кавалерийским дивизиям действовать в направлении на фронт Хейльсберг, Цинтен, отрезывая пути отступления германцев к Висле. Здесь следует указать, что, основываясь на ложных сообщениях 1-й армии, Самсонов, ускорял свое сближение

с германцами, которых в районе Алленштейна пока не было, но которые впоследствии должны были по завершении боевого маневра занять фланговое положение относительно 2-й армии.

Между тем с вечера 23 августа в руках германского командования имелись материальные доказательства о планах русского командования, найденные на убитых офицерах, и переданный по радио в незашифрованном виде приказ, раскрывавший германскому командованию весь план русских на 24 и 25 августа, причем в приказе указывались даже полосы, которыми должны были наступать русские корпуса. Германскому командованию были раскрыты карты — можно было действовать наверняка.

С этого времени германское командование принимает решение — разбить 2-ю русскую армию, пока она не соединится с 1-й, для чего направить против 2-й армии возможно больше сил. Медленное продвижение 1-й русской армии в полной мере соответствовало этим планам. 17-й и 1-й резервные корпуса направляются на Бишофсбург, Алленштейн.

К 26 августа почти все германские силы, находящиеся в Восточной Пруссии (до 11½ пехотных дивизий), стягивались вокруг оперативного центра — 20-го корпуса — для концентрического удара, с целью уничтожения 9 русских дивизий 2-й армии, и только одна дивизия Бродрюка (из Кенигсберга), 2-я ландверная бригада и 1-я кавалерийская дивизия оставались против 1-й русской армии, продвигавшейся не на соединение со 2-й армией, а в общем направлении на Кенигсберг.

24 августа с утра 15-й русский корпус атаковал 20-й германский корпус. Бой был очень упорным, германцы ввели в дело все свои резервы, однако сопротивление их было, хотя и ценой больших жертв, 15-м корпусом сломлено, и немцы стали стремительно отступать, причем русские вследствие сильного утомления преследовали только накоротке. Под угрозой со стороны частей 13-го корпуса, выдвинувшихся на Куркен, части 20-го корпуса отошли на северо-запад, на укрепленные позиции на линии Гильгенбург, Мюлен. Это первое сражение 2-й армии было очень кровопролитным: германцы потеряли убитыми и ранеными до 2 000 чел., русские — убитыми трех командиров полков, а в общем убитыми и ранеными до 4 000 чел., что свидетельствует как об упорстве германцев, так и о боевой настойчивости русского корпуса, несмотря на превосходство германцев в артиллерии.

Отступая на позиции Гильгенбург, Мюлен, германцы потянули за собой части 15-го корпуса. Полагая, что перед армией отступает боковой авангард 8-й германской армии, отходящей к Висле, Самсонов, боясь упустить немцев, просит у командующего фронтом Жилинского разрешения повернуть армию на новое направление — на фронт Алленштейн, Остероде, что ему и было разрешено, однако с условием прикрыть маневр с востока одним корпусом с кавалерией.

В свою очередь Гинденбург вечером после боя 24 августа донес в германскую главную квартиру, что им решено задержать 20-й корпус на линии Гильгенбург, Мюлен, так как дальнейший отход

корпуса будет равносителен поражению. Хотя 1-й корпус еще не прибыл на усиление 20-го корпуса, однако и с прибытием его «дурной исход не исключается».

Ввиду крайнего переутомления Самсонов просил разрешения дать 25 августа войскам дневку, однако Жилинский указал, что армию можно будет остановить только после достижения ею рубежа Алленштейн, Остероде, так как немцы успеют «проскочить» за Вислу. Из всего предыдущего видно, как далеко было русское командование от истинного понимания обстановки в результате введения его в заблуждение ложным донесением Ренненкампа и отсутствия хорошо налаженной разведки.

БОИ У ЗЕЕБЕНА, МЮЛЕНА И БИШОФСБУРГА 26 АВГУСТА

Схемы 59 и 60

Несмотря на требования фронтового командования, корпуса 2-й армии за 25 августа почти не продвинулись вперед и оставались на прежних местах, за исключением 6-го корпуса, который подошел к Бишофсбургу. Беспокоясь отсутствием достаточных сведений о противнике, Самсонов 26 августа утром решил задержать наступление 15-го и 13-го корпусов, однако под влиянием своего штаба отдал распоряжение 6-му корпусу обеспечить правый фланг армии в районе Бишофсбурга; 13-му корпусу выйти на линию Келарен, Даретен; 15-му корпусу занять фронт Шенфельде, Гусенофен; 2-й пехотной дивизии (23-го корпуса) дойти до Рейхенау; 6-й и 15-й кавалерийским дивизиям продолжать выполнение ранее поставленной задачи — выдвинуться до линии Хейльсберг, Цинтен.

Таким образом, уже к вечеру 25 августа 2-я армия была в трех группах, действовавших независимо друг от друга: а) 6-й корпус у Бишофсбурга, б) 13-й и 15-й корпуса и 2-я пехотная дивизия, наступавшие на фронт Алленштейн, Остероде, в) 1-й корпус, переходивший к северо-западу от Нейденбурга в район Усдау.

Между тем Гинденбург решил не ожидать присоединения всех сил к 20-му корпусу, а утром 26-го начать прибывшими на правый фланг 20-го корпуса частями 1-го корпуса атаку русских у Усдау и далее на Нейденбург, в тыл 15-му корпусу. Германцам легко было планировать свои операции, так как они перехватили все радиограммы с оперативными распоряжениями Ренненкампа и Самсонова.

Следовательно, 26 августа должны были разыграться первые боевые столкновения на флангах 2-й армии, могущие иметь решающее значение.

26 августа на нейденбургском направлении на фронте около 40 км у германцев собралось до 7 пехотных дивизий, в общей сложности — 95 батальонов, против них русские могли выдвинуть тоже 7 пехотных дивизий, или 126 батальонов (1, 23, 15 и 13-го корпусов), разбросанных от Алленштейна до Усдау, т. е. на 60-км пространстве.

Что касается Бишофсбургского района, то здесь против 6-го русского корпуса в составе двух дивизий — 32 батальонов —

наступали 17-й, 1-й резервный корпуса с 6-й ландверной бригадой в составе $4\frac{1}{2}$ дивизий, т. е. 54 батальона. При общем превосходстве в силах и особенно подавляющем в артиллерии, нужно заключить, что германцы в районе Бишофсбурга во всех отношениях были неизмеримо сильнее русских.

Фронтное командование все время требовало от Самсонова поспешить, так как немцы могут уйти. Ставка со своей стороны указывала торопиться с овладением нижним течением Вислы, с очищением от противника Восточной Пруссии, чтобы на левом берегу Вислы развернуть новые силы для наступления в Германию. Повидимому, ставкой вопрос об овладении Восточной Пруссией считался решенным.

К утру 26 августа 8-я германская армия была расположена так: отряд Мюльмана (5-я ландверная бригада) под Страсбургом, 1-й германский корпус в районе Кельпин, оз. Румян, Монтово; усиленный 20-й корпус: 1-й гренадерский полк из 1-го корпуса — между оз. Румян и оз. Грос-Дамерау; 41-я и 37-я пехотные дивизии — между южной оконечностью оз. Грос-Дамерау и западной оз. Мюлен, 70-я ландверная бригада и крепостные части Унгера на р. Древенц к северу от оз. Мюлен, 3-я резервная дивизия у Рейхенау.

Против этих сил находились следующие русские части: 15-я и 6-я кавалерийские дивизии передовыми частями на линии Хенрихсдорф; в Сольдау полк 3-й гвардейской дивизии; 1-й корпус у Грос-Таурзее, Усдау, 2-я дивизия 23-го корпуса у Скотау и Липпау; 15-й корпус против линии Мюлен, Хохенштейн, и 13-й корпус двигался беспрепятственно на линию Даретен, Келарен.

Восточная группа 8-й германской армии находилась: 1-й резервный корпус в районе Зесбург, 6-я ландверная бригада в районе Лаутерн; 17-й корпус в районе Бишофштейн, Швансфельд, 1-я кавалерийская дивизия к западу от Гердауена, дивизия Бродюка на р. Дейме. Против этой группы находились следующие части русских: 6-й корпус под Бишофсбургом, 4-я кавалерийская дивизия у Зенсбурга; 2-й корпус под Ангербургом, 4, 3 и 20-й корпуса с $4\frac{1}{2}$ кавалерийскими дивизиями медленно ползущей армии Ренненкампа восточнее линии Гердауен, Алленбург, Велау с кавалерией перед фронтом.

Задачи 2-й армии на 26-е нам известны — выйти в общем на линию Келарен, Даретен, Шенфельде, Рейхенау.

Гинденбург со своей стороны приказал произвести 26 августа 1-м корпусом удар в направлении на Усдау, после чего должно было начаться общее наступление правым флангом 20-го корпуса; 1-й резервный и 17-й корпуса должны были атаковать правый фланг Наревской армии.

Так как главным образом бои 26 августа решили участь 2-й армии, то мы остановимся на них подробнее.

Действия 26 августа протекали не так, как того хотелось германскому командованию. В своем донесении командир 1-го корпуса Франсуа подчеркивал, что сил для атаки недостаточно, что, по

сообщению командира 20-го корпуса Шольца, торопиться некуда, что он, Франсуа, не может отвечать за исход боя.

Проведение операции, намеченной командованием германской армии на 26 августа, натолкнулось таким образом на первое препятствие в своевольном образе действий, проявленном Франсуа. Наконец, по настоянию Гинденбурга, частям 1-го корпуса после полудня удалось оттеснить русское охранение и занять Зеебен, но исходное положение для атаки на позицию 1-го русского корпуса у Усдау было занято только к 15 час.

Прорыв, которым надеялся 26 августа Гинденбург смять левое крыло русских, не удался. Однако правое крыло 20-го корпуса, выдвинутое против центральных русских корпусов, постепенно продвигалось вперед, не ожидая занятия Усдау 1-м корпусом. Наступление немцев между озерами Грос-Дамерау и Мюлен было успешно.

Здесь продвигалась вперед 2-я пехотная дивизия 23-го корпуса через Зейтен и Мюлен на Рейхенау. Около 17 час. 1-я бригада дивизии на пути к Мюлену отбросила передовые части 37-й пехотной германской дивизии, но одновременно с этим попала под сильный артиллерийский огонь с укрепленной позиции и была атакована в левый фланг.

Столкновение с вдвое превосходными силами противника, при условии полной неожиданности, принудило 1-ю бригаду отойти назад в район Янушкау. 2-я бригада той же дивизии наступала из Липпау, через Грос-Гардинен, Турау и Танненберг. О противнике имелось мало сведений, ничего не знали о том, что между озерами Дамерау и Мюлен — укрепленная позиция, занятая германцами и вооруженная крепостной артиллерией. Вступление в бой передовых частей произошло в районе Грос-Гардинен, однако бригада продолжала движение на стык 41-й и 37-й германских дивизий. После сильного артиллерийского обстрела германцы начали атаку со стороны Дамерау и отбросили бригаду назад, но у Гансгорна русские перешли в контратаку, и германцы были остановлены с потерей около 1 200 чел. Русский 7-й пехотный полк в этом бою потерял 51 офицера и 2 800 солдат. Эта цифра характеризует упорство русских в боях первого периода войны. В сумерки 2-я бригада отошла в Липпау, а 41-я германская дивизия заняла район Грос-Гардинен, Гансгорн.

Таким образом, левый фланг 2-й армии уже потерпел некоторую неудачу, и положение здесь начало осложняться.

Центральные корпуса армии в течение 26 августа выдвинулись, отбрасывая передовые части противника: 15-й корпус — 6-я дивизия — на фронт Кенигсгут, Мюлен, 8-я дивизия — Грислинен, Хохенштейн; 13-й корпус расположился в районе Штабиготен, Ней-Штабиготен. Таким образом, 15-й и 13-й русские корпуса своим продвижением вперед облегчали задачу германскому командованию прорваться на Усдау, тем более что 2-я дивизия уже была подавлена своей неудачей.

Обратимся к событиям на правом крыле 2-й русской армии.

На 26 августа командиры 17-го и 1-го резервного корпусов ге-

нералы Макензен и Белов наметили совместное наступление на Бишофсбург, в районе которого ночевали части 6-го русского корпуса.

Командир 6-го русского корпуса генерал Благовещенский, получив сведения о том, что крупные силы германцев ночуют в районе Зеебург, Лаутерн, выдвинул 16-ю пехотную дивизию к Бартельсдорф, 4-ю дивизию расположил в районе Ротфлис.

Как мы уже знаем, русское командование упорно держалось мысли, что германцы стремятся прорваться к Висле, оставляя против 2-й армии только боковые авангарды. Это имело следствием то, что командир 4-й дивизии решил атаковать германцев, прибывших в район Зеебурга, в результате чего с утра 26 августа завязался бой на линии Кл.-Бессау, Кирхдорф. По мере развертывания 4-й русской дивизии германцами вводились в бой новые части, и после полудня здесь полностью развернулись 1-й резервный корпус, 6-я ландверная бригада и 17-й корпус южнее Лаутерна фронтом на Ротфлис.

Против 244 орудий германских 1-го резервного и 17-го корпусов и 6-й ландверной бригады 4-я русская дивизия, усиленная корпусной артиллерией, могла противопоставить до 60 орудий, т. е. германцы имели четверное превосходство в артиллерии и в $4\frac{1}{2}$ раза большее в пехоте.

Только к 18 час. стойкое сопротивление 4-й дивизии было местами сломлено, к этому времени германский огонь совершенно сравнял русские окопы с землей, части дивизии, вернее остатки ее, стали отступать к Ортельсбургу, куда начала отходить после небольших столкновений у Вартенбурга и 16-я пехотная дивизия. Многие части 4-й дивизии оказались совершенно без командного состава, некоторым частям пришлось вырываться из окружения. 16-я дивизия отошла в полном порядке.

В бою под Бишофсбургом 4-я дивизия потеряла 16 орудий и более 5 300 чел., что явилось главным образом следствием исключительно подавляющего численного превосходства германской артиллерии.

Таким образом, уже 26 августа на обоих своих флангах 2-я армия понесла неудачу: правый фланг ее был открыт и подвергался опасности со стороны $2\frac{1}{4}$ германских корпусов, на левом фланге центральные корпуса оторвались от прикрывающих частей 1-го корпуса, а 2-я дивизия (23-го корпуса) в этом промежутке понесла неудачу. Однако Самсонов не представлял себе всего трагизма положения его центральных корпусов, иначе он отдал бы приказ об отводе их назад уже вечером 26-го.

Следует отметить слабую работу штаба 2-й армии. В условиях вторжения в пределы неприятельской страны штаб без каких-либо дополнительных указаний, как и во всяком другом случае, должен особенно ревниво относиться ко всему, что происходит на флангах, не говоря уже об особой требовательности к разведке. Это правило соблюдено не было, так как Самсонов слишком поздно узнал о событиях на его правом фланге в районе Бишофсбурга.

В событиях на флангах уже заложены причины будущей катастрофы для центральных корпусов армии Самсонова. 27 августа окончательно ее предопределило, при непосредственном к тому со-

действии со стороны 1-й армии Ренненкампа. 21 и 22 августа эта армия провела на месте, а с 23 августа медленно продвигалась вперед, но не на соединение со 2-й армией, а в сторону Кенигсберга, так как, по мнению Ренненкампа, наличие на фланге такой сильной крепости представляет неотвратимую угрозу ее правому флангу, в силу чего армия не может продвигаться вперед, пока будет существовать эта угроза.

Ближайшую помощь 2-й армии должна была оказать 1-я армия, преследующая совместно с ней одни и те же цели. Однако фронтовое командование не объединило действий этих армий, а считало оценку Ренненкампом «кенигсбергской опасности» правильной.

Командование же 1-й армии не проявило ни инициативы, ни энергии и не старалось направлять свою операцию в общих интересах фронта. Конница Нахичеванского прижималась к пехоте и двигалась не более 20 км в сутки, а корпуса — не более 15 км, не имея перед собой германцев. К вечеру 26-го, в то время, когда во 2-й армии уже появились первые предвестники будущей катастрофы, 1-я армия вышла только на линию Дамерау, Велау, Алленбург, Гардауен и считала свою задачу уже выполненной. Только прямым предательством Ренненкампа можно объяснить такой образ действий 1-й армии.

Фронтовое командование утвердило оперативные намерения командования 1-й армии. 26 августа им была дана директива, в которой указывалось — действиями 1-й и 2-й армий прижать отступающих германцев к морю и не допустить их к Висле, причем 1-й армии обложить примерно двумя корпусами Кенигсберг, а остальными силами преследовать германцев, отходящих к Висле. Этой директивой притягивалась не только половина армии, но и внимание всей армии к Кенигсбергу. Отдавать директиву такого содержания можно было лишь в том случае, когда победа в Восточной Пруссии была уже так сказать предрешена. Ставка в свою очередь, повидимому, придерживалась такого же мнения, как это видно из того, что уже поднялся вопрос о том, чтобы 2-й корпус перебросить из состава 1-й армии в Варшавский район для образования новой армии. Верность союзническим обязательствам Франции сводилась к организации скорейшего наступления на Берлин из Варшавского района.

С Ренненкампом считал нужным прежде всего прочно обложить Кенигсберг, для чего овладеть линией р. Дейме, а после ее занятия и укрепления левофланговыми корпусами продолжать наступление. Таким образом, вся 1-я армия целиком была этим привязана к кенигсбергскому направлению. Первоначальная задача окружения и уничтожения германской армии западнее Мазурских озер была изменена в то время, когда германцы находились как раз западнее этих озер и опасались маневра в этом направлении со стороны 1-й армии. Образ действий 1-й армии развязал окончательно руки Гинденбургу и позволил ему без труда «организовать победу» над 2-й русской армией, так как к 27 августа 1-я армия достигла только линии р. Дейме, Алленбург, Гардауен, Растенбург, имея впереди в районе Абшванген, Мاستинен конницу Хана Нахичеванского.

На 27 августа Самсонов приказал 6-му корпусу, оставив заслон у Бишофсбурга (он не знал о том, что этот корпус уже отброшен от Бишофсбурга), направиться на Алленштейн для содействия центральным корпусам, которым было указано занять линию Алленштейн, Остероде, а 1-му корпусу обеспечивать левый фланг армии.

Гинденбургом в свою очередь было приказано на 27 августа: 1-му корпусу с группой Шметау нанести удар на Усдау и далее на Нейденбург, 20-му корпусу наступать в прежнем направлении, 3-й резервной дивизии свернуть на Ваплиц, а 1-му резервному и 17-му корпусам окончательно разгромить русских в районе Бишофсбурга. Таким образом, на своем правом фланге германцы продолжали маневр, не осуществленный 26 августа.

Здесь на линии Усдау, Грос-Таурзее, Скурпе были расположены части 1-го русского корпуса, которые должны были обеспечить левый фланг центральных корпусов. Русское расположение в районе Усдау было взято под перекрестный артиллерийский огонь (с северо-востока со стороны Гильгенбурга и Берглинга) крепостных батарей, в том числе тяжелых, а с запада (с фронта) — артиллерии 1-го германского корпуса. Под подавляющим артиллерийским огнем германцев Усдау в 11 час. было оставлено русскими и занято 1-й германской дивизией. 2-я германская дивизия, наступавшая левым флангом на Грос-Таурзее, была русскими остановлена, равно как восточнее Хенрихсдорфа была задержана и бригада Мюльмана.

В то время, пока германцы готовились продолжить атаку в направлении на Нейденбург, русские, воспользовавшись задержкой германцев, сами перешли в контратаку на фронт Скурпе, Хенрихсдорф, смяли правый фланг 1-го германского корпуса и к вечеру обратили этот фланг в бегство. Таким образом, первоначальные успехи германцев на левом фланге 2-й армии были парализованы, но, к сожалению, командир 1-го корпуса не сумел воспользоваться этим успехом, что привело к тому, что контратака выдохлась, не имея общего руководства. Части, считая, что они выполнили свою задачу, стали отходить назад на р. Нейде и на Сольдау и, конечно, как всегда бывает в таких случаях, в большом беспорядке.

Между тем севернее оз. Мюлен части 6-й пехотной дивизии захватили Мюлен, но за неимением резервов этот успех развить не смогли, почему этот по сути дела крупный успех имел лишь местное тактическое значение.

СОБЫТИЯ 28—29 АВГУСТА

Германцы, постепенно оправившись, в течение ночи на 28 августа собрали 1-ю дивизию в районе Скурпе, Борхерсдорф, отряд Шметау 20-го корпуса — Кленцау, Шенвизе, 2-ю дивизию с 5-й ландверной бригадой (Мюльмана) — в тыловом районе Грос-Таурзее, Зеебен, Усдау и северо-западнее, а к Мюлену были направлены крупные подкрепления.

С отходом 1-го корпуса на юг к р. Нейде, севернее линии Нейденбург, Сольдау и до самого левого фланга 15-го корпуса никаких русских войск больше не было, и германцам предоставлялась возможность наступлением в район Нейденбурга или в охват левого фланга 15-го корпуса на Ваплиц отрезать 15-й корпус от его тыла, тем более что находившаяся на линии Янушкау, Скотау, Липпау 2-я дивизия, потрясенная предшествующими неудачами, лишенная подвоза продовольствия, под натиском 41-й дивизии отошла к Франкенау, а один полк ее даже к Нейденбургу.

Путь для охвата левого фланга 15-го и 13-го русских корпусов для германцев окончательно расчистился.

Самсонову нужно было теперь же отдать приказ об отходе 15-го и 13-го корпусов назад, примерно на линию Нейденбург, Ортельсбург или на границу, смотря по обстоятельствам, но он этого не сделал. Против него теперь собрались превосходящие силы германцев, и участь этих корпусов была уже окончательно решена.

Покинутая 1-й армией, 2-я армия, несмотря на всю доблесть многих русских войсковых частей на поле боя, давших и в дальнейшем образцы воинской доблести и самопожертвования, при неумелой организации оперативного маневра в сущности уже была на краю гибели, так как успех 6-й пехотной дивизии, проведеншей успешный бой у Мюлена, имел чисто местное значение.

На 28 августа Самсонов, получая ложные донесения и не зная о глубине отступления 1-го корпуса, приказал этому корпусу удерживаться севернее Сольдау, частям 2-й дивизии у Франкенау, 6-му корпусу выйти к Пассенгейму, а 15-му и 13-му корпусам наступать с рассветом в общем направлении через Мюлен на Гильгенбург, с целью атаковать противника, находящегося против 2-й дивизии и 1-го корпуса, в тыл и фланг.

Фронтное командование только к этому времени поняло свою ошибку, когда торопило Самсонова вперед, не обеспечив в то же время содействия ему со стороны 1-й армии. Только теперь Жилинский потребовал отвода 2-й армии назад на линию Ортельсбург, Млава, но Самсонов этого распоряжения не знал, так как еще до его получения покинул рано утром 28 августа свой штаб в Нейденбурге, отправившись в штаб 15-го корпуса для руководства боем, и снял телеграфную связь со штабом фронта.

Тем временем в течение 28 августа 1-я германская дивизия заняла Нейденбург, а отряд Шметау — Мушакен. Попытка германцев выйти во фланг и тыл 15-му корпусу в направлении на Ваплиц 41-й дивизией окончилась полным разгромом последней с потерей 13 орудий и 2 400 чел. Истомленные, полуголодные русские стояли непоколебимо и в свою очередь победоносно атаковали у Ваплица.

ОТХОД 2-й АРМИИ. ГИБЕЛЬ 13 и 15-го КОРПУСОВ

Схема 61

Действия 28 августа 15-го и 13-го корпусов не имели решающего успеха, и во второй половине дня Самсоновым был отдан приказ об отходе их к Янову.

Между тем 1-й резервный и 17-й германские корпуса 28 августа уже направлялись: 1-й резервный на Грислинен, а 17-й на линию Едвабно, Ортельсбург, который еще 27-го был оставлен 6-м русским корпусом, отошедшим на юго-восток. К вечеру 28 августа 1-я резервная дивизия 1-го резервного корпуса ночевала в Даретене с тем, чтобы с утра двинуться на Грислинен. 29 августа с утра 17-й корпус стал распространяться от Пассенхейма на Едвабно, Мальга и Мальгаофен, перехватывая все пути для 15-го и 13-го корпусов на восток и юго-восток.

В то же время части 1-го корпуса и отряд Шметау от Мушакена, заняв Пухаловен, продвинулись до Виленберга, чем перерезали южные пути отхода 15-го и 13-го русских корпусов.

29 и 30 августа 13-й корпус, большая часть 15-го и часть 2-й дивизии, обессиленные и голодные, расстреляв свои патроны, очутившись в кольце окружения, сдались.

Несмотря на крайне тяжелую обстановку, в которую попали 13-й и 15-й русские корпуса, германцы успели перехватить пути отхода этих корпусов сравнительно слабыми силами. Это приводит к выводу, что если Самсонов сохранил бы управление в своих руках 28 и 29 августа, то оба русских корпуса, без сомнения, вышли бы из окружения.

Командующий 2-й армией Самсонов застрелился.

В разговоре 30 августа с германской главной квартирой Гинденбург сообщил, что противник держится «невероятно упорно».

Остатки 15-го, 13-го корпусов и 2-й дивизии, вырвавшиеся из окружения, отошли к Нареву в район Остроленки, где стали приводиться в порядок.

Тяжелое положение 8-й германской армии, все время не уверенной в конечном успехе, вызвало снятие с правого фланга французского фронта и направление на восток 11-го и резервного гвардейского корпусов с одной кавалерийской дивизией, что существенно помогло французам в сражении на Марне. Жертва русскими солдатами во исполнение данных Франции обязательств, подписанных, кстати сказать, Жилинским, т. е. командующим Северо-западным фронтом, в виде поражения целой армии, сказала на дальнейшем ходе событий как в Восточной Пруссии, так и в Галиции, так как на р. Нарев пришлось привлечь новые корпуса, которые могли быть использованы в другом, более важном пока месте — в Галиции.

31 августа русская ставка отдает новую директиву, которая в общем указывала 1-й армии удерживаться во что бы то ни стало севернее Мазурских озер, на путях от линии Инстербург, Ангербург к линии Вильковишки, Сувалки; частям 2-й армии, постепенно устраниваясь, собраться в районе Соколка, Осовец, Ломжа. Вместе с тем для упрочения положения в распоряжение Северо-западного фронта передавались 22-й армейский, 3-й Сибирский и 1-й Туркестанский корпуса и предписывалось подготовить к обороне линии рек Немана, Бобра и Верхнего Нарева.

Нужно добавить, что ставка предполагала в случае безусловной невозможности в течение ближайших дней достигнуть решительных успехов над австрийцами дать армиям Юго-западного фронта

указание отходить на Западный Буг. Как уместно было бы эти три корпуса передать на Юго-западный фронт для достижения решительного успеха в Галиции!

* * *

Шлиффеновский рецепт двойных охватов — такова показная сторона Восточно-пруссской операции. Отличная подготовка и использование условий театра, в частности железных дорог, правильно, последовательно развивающаяся операция, основанная на реальном положении вещей, определенная постановка задач — таковы несомненно положительные стороны германского командования. Но здесь нужно подчеркнуть, что убитые русские офицеры с неизменно находимыми на них приказами высшего командования и незашифрованные радио — такова привходящая сторона дела, которая весьма рискованную по существу операцию превратила в простую игру с открытыми картами противника. Все это сильно снижает поучительность всей операции в смысле вождения войск.

Положение 1-й и 2-й русских армий могло дать им полный успех при согласованном наступлении в пространстве и во времени. Так как со стороны командующего фронтом никакого согласования фактически не было, то 8-я германская армия, будучи сильнее каждой из русских армий порознь, была поставлена в исключительно благоприятные оперативные условия.

Перевозка 1-го германского корпуса через Кенигсберг могла через агентуру внушить командованию 1-й русской армии представление об отходе всей германской армии именно в Кенигсберг, так как последний был оборудован, как большая маневренная крепость. Этот вопрос должна была уточнить конная группа Хана Нахичеванского, но она жалась к пехоте и делала самые мизерные переходы; командование 1-й армии совершенно не руководило ею должным образом, ограничиваясь только теоретическими указаниями, а не требованием выполнения вполне определенных задач.

Если обратить внимание на местные условия в районе действий 2-й армии, то можно заметить, что поддержание связи между корпусами 2-й армии по фронту до крайности затруднялось большим количеством меридионально растянутых озер. Таким образом, живая связь была трудна, для проволочной — нехватало бы средств корпуса, а радио служило русским только во вред. Этим обстоятельством можно объяснить позднее получение Самсоновым донесения о неудачном бое 6-го корпуса в районе Бишофсбурга, открывшем правый фланг и тыл 2-й армии для ударов 1-го резервного и 17-го германского корпусов.

Переломным моментом, указавшим на опасность положения 2-й армии, был вечер 26 августа, когда на обоих флангах армии уже появились признаки назревания катастрофы.

День 27 августа при нерешительных успехах на фронте и поражении 1-го корпуса на левом фланге должен был заставить Самсонова начать отход уже 27 августа. Однако незнание общей обстановки, плохая работа 6-й и 15-й кавалерийских дивизий не

могших, в силу местных топографических условий, преодолеть сопротивление пограничной германской охраны, подкрепленной ландштурмом, настояния фронтового командования о быстрейшем продвижении вперед — все это завело Самсонова в оперативный тупик, в котором оказались два русских корпуса.

Германцы сами не ожидали успеха в операции против 2-й армии. Только предательские действия Ренненкампа, ложные его донесения, оставление 2-й армии одинокой, вопреки первоначальному плану, при исключительно дурно поставленной штабной службе в смысле организации разведки и службы связи, привели 13-й и 15-й корпуса к катастрофе.

Германское командование, пользуясь промахами русских и зная их планы, однако не сумело оградить свои войска от частных поражений и таких рискованных положений, что «дурной исход операции» казался все время возможным начальнику штаба 8-й армии Людендорфу.

ВЛИЯНИЕ ФРАНКО-РУССКОЙ КОНВЕНЦИИ НА ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ПРОИСХОДИВШИЕ НА ЗАПАДНО- ЕВРОПЕЙСКОМ ТЕАТРЕ

Операции русской армии совпадали по времени с Пограничным сражением на Западном театре, окончившимся крупной неудачей для французов, с последовавшим за ним очень неудачным отходом всех армий на Верхнюю Сомму и Уазу и далее на Сену. Это обстоятельство вызывало особую щепетильность к верности своим союзным обязательствам русского верховного командования, толкнувшего как 1-ю, так и 2-ю свои армии в Восточную Пруссию без законченной организации, без налаженных тылов и связи, т. е. при полной оперативной неготовности.

Тем не менее эта операция, благодаря устойчивости солдат и строевых командиров русской армии, проявленной на самих полях сражений, привела германцев к колебаниям и такой неуверенности в успехе, что пришлось срочно снять с французского фронта два корпуса, и именно с того фланга, который был решающим в последующее время в Марнской операции, т. е. из 2-й и 3-й армий, и перебросить их на помощь 8-й армии в Восточную Пруссию.

Трудно сказать, как бы окончилась Марна, если не последовало бы ослабления 2-й и 3-й германских армий, но мы из предыдущего знаем, что в самые напряженные дни Марны, 7 и 8 сентября, положение германцев в Сен-Гондских болотах и в промежутке между 2-й и 4-й армиями могло быть иным, чем оно было на самом деле, т. е. было бы более благоприятным для германцев, если бы в составе 2-й и 3-й армий остались посланные на восток корпуса.

Глава XIII

Последующее развитие борьбы в Восточной Пруссии

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ

Схема 62

К началу сентября в Восточной Пруссии положение русских было в оперативном отношении неудовлетворительным. 2-я армия была отброшена к р. Нареву; наиболее сохранившими боеспособность были 1-й и 6-й корпуса, 1-я стрелковая бригада и кавалерия (4, 6 и 15-я кавалерийские дивизии). 1-я русская армия вышла на фронт р. Дейме, Велау, Норденбург, оз. Мауэр и далее на юг восточнее Мазурской озерной линии.

Конница 1-й армии к этому времени находилась на линии Фридланд, Ландсберг, Коршен, Растенбург.

Между тем Гинденбург начал перегруппировку против 1-й русской армии, разделив свою армию на две части:

1. Против Ренненкампа — 1-й резервный, половина 20-го корпуса, 6-я ландверная бригада, две бригады 1-й кавалерийской дивизии (ожидались еще 11-й и гвардейский резервный корпуса).

2. В наревском направлении — на линии Нейденбург, Ортельсбург, Едвабно — 1-й, 17-й, половина 20-го корпуса, 3-я резервная дивизия, ландверные дивизии Унгера и Гольца и бригада 1-й кавалерийской дивизии.

В это время правый фланг русского фронта в Галиции потерпел неудачу и был отнесен к Люблину и Холму. Сосредоточение крупных сил германцев на наревском направлении могло создать представление у русского командования, что германцы попытаются оказать содействие австро-венгерцам встречным ударом между Вислой и Бугом. Для Антанты неблагоприятная обстановка усугублялась еще и тем обстоятельством, что на французском театре положение до крайности осложнилось после повторной неудачи на реках Верхней Сомме и Уазе. В силу этого явилось предположение, что германцы могут перебросить часть своих сил на русский фронт.

ПЛАНЫ СТОРОН

Схема 62

Русское верховное командование, в свою очередь сильно встревоженное этим обстоятельством, решило назначить на Северо-западный фронт 22-й, 3-й Сибирский и 1-й Туркестанский корпуса, чтобы вместе с оставшимися частями 2-й армии и прибывающими второочередными дивизиями образовать заслон на наревском направлении.

Казалось бы, что для германского командования наиболее правильным было бы подать помощь австрийцам — совместными действиями против русских между реками Бугом и Вислой, тем более что усилить заслон против Неманской армии можно было за счет прибывающих гвардейского резервного и 11-го корпусов.

Однако под влиянием юнкерских кругов, заинтересованных в скорейшем освобождении помещичьих имений в Восточной Пруссии, Мольтке поставил Гинденбургу требование в первую очередь очистить Восточную Пруссию от армии Ренненкампа, а затем уже предпринять операцию в направлении на Варшаву.

Австрийское верховное командование пробовало было протестовать, но из этого ничего не вышло — австрийское напоминание и требование были отвергнуты.

Позиции 1-й русской армии были сильно укреплены, причем правый фланг упирался в море, но левый фланг проходил восточнее линии Мазурских озер и мог быть обойден при направлении удара через открытые дефиле у Николайкина и Летцена. Движение южнее озерной линии считалось опасным, так как могло подвергнуться фланговому удару со стороны Осовца или Гродно.

Учитывая эти соображения, Гинденбург разделил свою армию на две группы: южную и восточную.

Южная группа имела назначение действовать в наревском направлении. В ее состав вошли: 35-я резервная дивизия, 70-я ландверная бригада и главный резерв Торна — всего до 18 батальонов, 9 эскадронов, 6 легких и 6 тяжелых батарей. Это было все, чем ответило германское командование на призывы австрийцев.

Восточная группа получила задачу уничтожить 1-ю русскую армию. Для прикрытия правого фланга был образован сводный корпус в составе 3-й резервной дивизии, ландверной дивизии Гольца и 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. Обходящую группу составили: 1-й армейский корпус, направляемый на Николайкен и 17-й — на Летцен; кроме того, из 1-й и 8-й кавалерийских дивизий был образован сводный корпус. 20, 11, 1-й резервный и гвардейский резервный корпуса должны были наступать на фронте: оз. Мауэр, р. Прегель; вдоль р. Дейме оборонялись Кенигсбергская дивизия Бродрюка и подвижной резерв Познани. Общий переход в наступление предполагался 9 сентября, а окончание развертывания 5-го.

План действий 1-й русской армии состоял в том, чтобы сохранить свое положение в случае могущего быть против нее наступления превосходных сил противника и во что бы то ни стало удер-

живаться севернее Мазурских озер, на путях от линии Вильковишки, Сувалки. 2-я армия должна была прикрывать пути к Нижнему Нареву и район Августов, Соколка, Белосток, для чего армия усиливалась 22-м, 3-м Сибирским и 1-м Туркестанским корпусами. 22-му корпусу приказано было занять район Лык, Арис, Иоганисбург. Разграничительная между армиями линия проходила через Николайкен, Юха, Махарце, Липск, Кузница, Лунно со включением в 1-ю армию.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК ПРОТИВ 1-й АРМИИ

Схема 62

К этому же времени 8-я германская армия разворачивалась на линии Мельсак, Зеебург, Бишофсбург, Ортельсбург, что правильно установила русская конница 1-й армии.

Время с 5 по 9 сентября германцами было употреблено на сближение с русскими и на занятие выгодного исходного положения.

На решения Ренненкампа оказывали большое влияние постоянные указания со стороны штаба фронта и незадачливого Жилинского. Например: если обнаружится наступление нескольких корпусов, то положение левого фланга 1-й армии будет небезопасно, или — у немцев юго-восточнее озер обнаружены незначительные силы, которые будут отброшены, или — великий князь рассчитывает, что 1-я армия проявит полное упорство в отношении своего положения, что является безусловно необходимым ввиду ожидаемого на этих днях окончательного решения на Юго-западном фронте.

Конечно, это подчеркивало для Ренненкампа обязанность «скалой» стоять на месте, не обращая особенного внимания на свой левый фланг юго-восточнее озер. Между тем именно здесь назревала, как мы увидим далее, для него главная опасность.

ПОЛОЖЕНИЕ 1-й РУССКОЙ АРМИИ К 8 СЕНТЯБРЯ

Схема 62

К утру 8 сентября 1-я русская армия не изменила своего положения. Корпуса армии были расположены в следующем порядке: от моря до р. Прегеля — 20-й корпус, имея на правом фланге 1-ю отдельную кавалерийскую бригаду; по р. Алле и Омет от Велау до Грюнхейма — 3-й корпус; по р. Омет от Грюнхейма до Норденбурга — 4-й корпус; от Норденбурга до северного берега озера Мауэр — 2-й корпус, имея задачу обеспечивать левый фланг армии, причем бывшая на левом фланге 43-я дивизия была разбросана от оз. Гольдапгар (против Летцена) до Ариса (против оз. Шпирдинг).

2-я армия получила приказ возвратиться на линию Мышинец, Хоржеле, куда, по расчетам фронта, она могла прибыть к вечеру 9 сентября для оказания поддержки 1-й армии.

Новая 10-я армия собиралась в районе Августов, Осовец, Гродно. В состав ее должны были войти 22-й, 3-й Сибирский и 1-й Туркестанский корпуса.

8-я германская армия занимала следующее положение: по западному берегу р. Дейме — главный резерв крепости Кенигсберг; южнее — подвижный резерв Познани, от Прейсиш-Эйлау до Бартен-

штейна — гвардейский резервный корпус; в районе Бартенштейн, Гейльсберг — 1-й резервный корпус; в районе Бишофштейн — 11-й корпус; в районе Рессель — 20-й корпус. Обходящая группа: 17-й корпус — западнее Летцена в районе Рейна; в районе Николайкен, Рудшаны — 1-й корпус; 3-я резервная дивизия — южнее Иоганисбурга; начиная от Иоганисбурга и далее на запад через Росог, Хоржеле, Млаву до Лаутенбурга — группа наревского направления.

РАЗВИТИЕ ОПЕРАЦИИ

Схемы 62 и 63

С утра 8 сентября 17-й и 1-й германские корпуса начали свое выдвижение к востоку от Мазурских озер с целью занять исходное положение для последующего удара во фланг русским.

Мелкие бои передовых частей этих корпусов показали германцам, что здесь на широком фронте разбросана 43-я дивизия русских.

В то же время главная группа германцев получила приказание сблизиться с русскими на всем своем фронте, кроме 20-го корпуса, чтобы не привлекать внимания русских к их левому флангу. Главный удар было предположено нанести в общем направлении от Гердауен силами 11-го и 1-го резервного корпусов.

К утру 9 сентября 1-й и 17-й корпуса, сбив разбросанные части 43-й дивизии, заняли линию Арис, Видминен, Поссесерн.

Между тем 8 сентября 10-я армия продолжала сосредоточиваться: 22-й корпус в Лык, 3-й Сибирский в Граево и 1-й Туркестанский в районе Ломжи.

На 9 сентября германцы начали атаку по всему фронту, причем предполагалось, что против центральной русской позиции (4-й корпус) у Гердауена начнется артиллерийская подготовка, а самая атака будет произведена 11 сентября.

Обходящей группе на то же число было указано: 1-му корпусу наступать восточнее оз. Гольдапгар на север; 17-му корпусу продолжать наступление в северном направлении; после прорыва позиций 43-й русской дивизии корпус должен был выйти в тыл соседней 26-й дивизии и тем обеспечить наступление 20-го корпуса. 3-я резервная дивизия после боев у Бялы — наступать на Юху. 1-я и 8-я кавалерийские дивизии сводились в конный корпус под командованием генерала Брехта, с задачей двигаться на Гольдап.

Повидимому, в штабе фронта к этому времени начали правильно судить о создавшейся невыгодной обстановке для 1-й армии в смысле возможности решительного удара германцев в ее левый фланг, но в ответ на это русское командование действовало скорее наудачу германцам. В то время когда положение 1-й армии могло быть укреплено энергичным наступлением головных частей 10-й армии, командующий фронтом Жилинский разрешает 22-й корпус под предлогом расстройств и переутомления его частей оттянуть к Августову, оставляя в то же время 3-й Сибирский корпус в Граево. Таким образом, само фронтовое командование развязывает Гинденбургу руки.

Утром 9 сентября Макензен (17-й корпус) открыл сильный огонь по району Куттен, Огонкен, занимаемому частями 43-й дивизии, а

Франсуа (1-й корпус) начал продвижение восточнее оз. Гольдапгар на Бенкхейм.

Попытки 35-й германской дивизии (17-го корпуса) взять окопы 43-й дивизии ударом с фронта не увенчались успехом, так как русские батареи открыли сильнейший огонь, а пехота переходила в контратаку.

После полудня восточнее оз. Гольдапгар появились колонны 1-го корпуса, ударившие в тыл 43-й дивизии, вследствие чего 43-я дивизия откинула свой левый фланг на север. Только около 17 час. 43-я дивизия начала отход на Бенкхейм, Гольдап.

Таким образом, 43-я русская дивизия два дня боролась против двух германских корпусов, будучи за все время усилена лишь 302-м полком 76-й пехотной второочередной дивизии¹.

1-й германский корпус двинулся восточнее оз. Гольдапгар и, встречая только небольшие части противника, остановился на ночлег в районе Регуловкен, Зивкен.

Конный корпус Брехта к вечеру 9 сентября достиг района Петрашен, Юха, причем части 1-й кавалерийской дивизии Гурко не дали германской коннице продвинуться в северном направлении.

3-я резервная дивизия двинулась из Бялы через Лык на Юха, но в Лыке столкнулась с частями 22-го корпуса. Бой продолжался до вечера. Стрелки 2-й Финляндской стрелковой дивизии легко отбили все атаки, но в ночь на 10-е отошли согласно приказу в Августов.

Этот добровольный отход русских в Августов дал повод Моргену (командиру 3-й резервной дивизии) донести, что он якобы разбил здесь русских, между тем в течение всего дня боя 9-го он сам просил помощи у Гольца (командира ландверной дивизии), и кроме того Гинденбург направил ему на помощь 1-ю кавалерийскую дивизию из Петрашена.

В этих боях германцы, как всегда, действовали против флангов противника, будучи не в состоянии добиться успеха во фронтальном бою.

В общем германцы ведут себя нерешительно и вяло, желая наиболее полно уяснить себе слагающуюся обстановку. Так, в течение 9 сентября четыре германских корпуса (гвардейский резервный, 1-й резервный, 11-й и 20-й) медленно продвигаются вперед. Оживленная артиллерийская перестрелка велась только на фронте русского 20-го армейского корпуса.

В этот же день, 9 сентября, перед Ренненкампом встала неотложная задача решить, что же делать дальше, так как 10-я армия была отведена назад на Августов и Граево. На случай отхода и для обеспечения левого фланга армии им было решено перебросить в направлении на Летцен конницу Хана Нахичеванского и 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию Рауха, а 20-й корпус с правого фланга направить в район Гольдапа. Однако время было упущено, противник уже обеспечил себе выигрышное положение.

¹ К этому времени в состав армии прибыли уже 56, 57, 54 и 72-я второочередные дивизии, предназначавшиеся в эту армию по плану развертывания, и 76-я пехотная дивизия вне плана.

К вечеру Хан Нахичеванский достиг Даркемена, а Раух — Грабовен. Эти мероприятия уже не спасали положения 1-й армии, план Гинденбурга был выяснен, а решения на отход еще принято не было, фронт не брал на себя инициативы отдать это распоряжение.

Лишь к вечеру 9 сентября, разобравшись в угрожающей обстановке, Ренненкампф отдал приказ об отходе, и то на один переход назад. Так как этот отход не выводил из обхода, то Жилинский предписал отходить до тех пор, пока армия не будет в полной безопасности.

НАЧАЛО ОТХОДА 1-й РУССКОЙ АРМИИ С ЛИНИИ РЕК ДЕЙМЕ, АЛЛЕ И ОМЕТ

Схема 63

В ночь на 10 сентября 26-й корпус, вновь образованный из 53-й и 56-й второочередных дивизий, 3-й и 4-й корпуса и 26-я дивизия 2-го корпуса оставили позиции на реках Дейме, Алле и Омет и после ночного марша остановились на фронте Спангельн, Грос-Бершкален, Иодлаукен, Коварен, Домбровкен; в Даркемене собиралась левофланговая дивизия 4-го корпуса, фронтом на юг; 20-му корпусу, в состав которого включалась 54-я пехотная дивизия, было приказано наступать от Даркемена на Гольдап против обходящего фланга противника; коннице Хана Нахичеванского и Рауха (2-я гвардейская дивизия) — помогать 20-му корпусу, действуя на правый фланг противника; 43-й и 72-й дивизиям (2-го корпуса) — обороняться на занимаемых местах.

Гинденбург на 10 сентября решает — на фронте от Норденбурга и севернее продолжать подготовку атаки, а обходящей группе: 17-му корпусу наступать на фронт Буддерн, Ангербург и этим способствовать продвижению 20-го корпуса, а 1-му корпусу продолжать наступление восточнее 17-го корпуса; в то же время из опасения удара русских со стороны Инстербурга корпуса 17-й и 1-й не должны были выдвигаться севернее линии Бенкхейм, Климкен; конный корпус Брехта направлялся на Гольдап.

Между тем в районе западнее Гольдапа продолжали сосредоточиваться, по приказанию Ренненкампфа, 20-й корпус (28, 29 и 54-я дивизии), 43-я и 72-я дивизии для нанесения контрудара по обходящим германцам, а прочие корпуса с ночи на 10 сентября начали отходить, но разновременно. Вследствие этого, когда 1-й резервный корпус уже вошел в русские окопы, он нашел их пустыми, в то время как южные окопы еще были заняты русскими.

Гинденбург больше рассчитывать на русское радио не мог, так как русские отрицательно относились к радиопередаче, от строевых частей поступали очень скудные сведения — все это не давало германскому командованию точной и ясной картины положения противника, к которой они так привыкли в период операций против 2-й армии Самсонова. Теперь Гинденбург начал ставить корпусам ограниченные задачи, рекомендуя продвигаться вперед с большой осторожностью.

Только по получении сведений от летчиков, что в районе Ин-

стербурга около корпуса и что русские отступают, Гинденбург около полудня отдал приказ обходящей группе наступать на фронт Гольдап, Клещовен, Даркемен. 1-я и 8-я кавалерийские дивизии получили задачу выдвинуться на Гольдап.

В общем к вечеру 10 сентября в районе Лыка собрались 1-я кавалерийская, 3-я резервная дивизия и ландверная дивизия Гольца, проводя весь день в бездействии.

1-й армейский корпус вышел в район Бенкхейм, Кутен, причем в районе последнего захватили в плен часть 72-й пехотной дивизии (второочередной), которая спешила на помощь 43-й пехотной дивизии. Не выслав делегатов в 43-ю дивизию с извещением о своем назначении, 72-я дивизия, выслав разведку и охранение на короткое расстояние, попала в полосу между 17-м и 1-м резервным корпусами, подверглась неожиданному удару в левый фланг, была приведена в замешательство, результатом чего явилось полное ее поражение, что всегда бывает при игнорировании самых элементарных правил по охранению и разведке. 17-й корпус вышел на линию Бенкхейм, Буддерн, где и расположился на ночлег.

Преследуя русских вечером 10 сентября, 8-я германская армия была расположена фронтом на северо-восток по линии Гольдап, Бенкхейм, Домбровкен, Мульдчен, Велау, р. Дейме, имея в районе Лыка группу из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий. Таким образом, на 50-км промежутке растянулось шесть корпусов, нацеленных на фронт Гумбинен, Инстербург. При таком положении германских корпусов окружить 1-ю русскую армию было уже невозможно, что и видно из расположения русских войск к вечеру этого же дня.

20-й русский корпус уже вышел севернее Гольдапа в район Киселен, Гавайтен, 2-й корпус — Штабинен, Витгирен, Коварен; 4-й и 3-й корпуса остановились на линии Инстербург, Иодлаукен, Коварен; 26-й корпус отошел на р. Инстер. Конница: дивизия Рауха заняла Гольдап, но на ночлег отошла за пехоту в район Клещовен, вследствие чего Гольдап был захвачен 8-й германской кавалерийской дивизией; конница Хана Нахичеванского в полдень заняла Гольдап, а оттуда перешла в Ковален, откуда после столкновения с 8-й германской кавалерийской дивизией вернулась в Кальнишкен, но не могла помешать 8-й германской кавалерийской дивизии сделать налет на Гольдап. Мы здесь должны подчеркнуть исключительную бездеятельность Хана Нахичеванского и Рауха, что связало руки 8-й германской кавалерийской дивизии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТХОДА 1-й АРМИИ

Схема 63

К вечеру 10 сентября обстановка на фронте 1-й русской армии казалась настолько благоприятной, что Ренненкампф даже предполагал перейти в наступление. Однако Жилинский, признав, что войск у Ренненкампфа в районе Гольдапа достаточно, чтобы выбить оттуда противника, все же приказал остальные силы отвести назад до Гумбинена и, если нужно, дальше.

Одновременно он уведомил Ренненкамппа, что 22-й корпус и 1-я кавалерийская дивизия, находившиеся в то время на линии Милевен, Боржимен, Райгрод, будут наступать на Маргграбово.

Выполняя это приказание Жилинского, Ренненкампп приказал армии отходить до линии Краупишкен, Ишдаген, Гавайтен, Гольдап, причем 2-му корпусу было указано удерживаться на занятых позициях до прохода частей 4-го корпуса, после чего отходить на Даркемен, а 20-му корпусу — энергичными действиями в направлении на Гольдап обеспечивать отход армии; коннице оставалась прежняя задача — не допускать конницу противника обойти левый фланг армии.

Настроения Ренненкамппа быстро менялись: сначала он хотел перейти в наступление, после одергивания Жилинского решает отходить даже за Гумбинен, а к полудню 11 сентября он уже доносит Жилинскому, что 1-я армия им отводится за линию Мальвишкен, Гумбинен, окрестности Гольдапа.

Ренненкампп не знал обстановки, в которой жила и действовала его армия; свидетельством этому могут служить его донесения, в которых он явно преувеличивает потери, изменения решений происходили на протяжении нескольких часов.

Вообще в действиях Ренненкамппа, равно и в сменах его настроений, мы должны усмотреть самый отрицательный пример малодушного полководчества. Повидимому, уже утром 11 сентября или вечером 10-го он потерял нити руководства армией.

Занятие германцами Гольдапа, о чем Ренненкампп узнал 11 сентября утром, произвело на него сильное впечатление. Он сместил начальника штаба армии, послал грозные телеграммы командующему 20-м корпусом, а также Рауху и Хану Нахичеванскому, бездейтельности которых приписал занятие противником Гольдапа, а сам уехал из штаба к 3-му корпусу, лишив себя возможности пользоваться своим штабом, который находился в Сталюпенене.

Жилинский, оценивая обстановку как не терпящую никаких промедлений, дал Ренненкамппу категорическое приказание «отвести войска центра и правого фланга возможно быстрее».

Мы уже знаем, какие распоряжения на 11 сентября отдавал Ренненкампп и какие распоряжения он получал от Жилинского.

Гинденбург на 11 сентября отдал приказ 1, 17, 20, 11-му резервному корпусам наступать на фронт Мелькемен, Вальтеркемен, Гумбинен, Дворишкен в общем направлении на северо-восток, а гвардейскому резервному — в общем направлении на Тильзит; конному корпусу — на фронт Мариамполь, Вильковишки; 3-й резервной дивизии наступать на Филипово.

Боевые действия 11 сентября показали высокую сопротивляемость русских войск.

1-й германский корпус, не встретив русских, которые были, как мы знаем, севернее, без боя вошел в Гольдап, откуда повел наступление на Мелькемен, где также русских не было; 17-й корпус вступил в бой со 2-м русским корпусом, занимавшим опушки местных лесов северо-восточнее Буддери, получил отпор, и движение его приостановилось; 20-й корпус, наступавший севернее 17-го, на-

ткнулся с утра на упорное сопротивление 30-й русской дивизии (4-го корпуса) в районе Домбровкен; 11-й корпус столкнулся неудачно для себя с частями 4-го и 3-го русских корпусов и запросил помощи от 1-го резервного корпуса; уже в 8 час. утра 1-й резервный и гвардейский резервный корпуса наступали, не имея перед собой противника.

Учитывая, что русские 4-й и 3-й корпуса ввязались в бой с 11-м корпусом; т. е. были скованы с фронта, Гинденбург решает начать окружение, для чего приказывает приостановить атаки на русских с фронта, а 1-й и 17-й корпуса повернуть на Гавайтен и Даркемен. Франсуа получил этот приказ уже по прибытии в Гольдап, для него выполнение движения на Гавайтен было непонятно, но, выполняя полученный приказ, он 1-ю свою дивизию направил на Толмингкемен, а 2-ю на Гавайтен, где последняя получила отпор со стороны частей 20-го русского корпуса; Макензен же отложил наступление на 12 сентября.

Тем временем, начав с утра отход, русские к вечеру 11 сентября отошли: 26-й корпус в район восточнее Дворишкен, 3-й корпус западнее Гумбинен, 4-й корпус в район Буйлиен, Дингляукен, 20-й — на линию Гавайтен, Варнен и 2-й — на линию Кариоткемен, Пабельн. Конница: генерал Раух отошел к Кассубен, а Хан Нахичеванский — в Шиткемен.

Германцы к исходу 11 сентября вышли на линию Филипово, Дубенинкен (конный корпус Брехта), Варнен, Гавайтен, Даркемен, Немерсдорф, Инстербург, Лабиау. На крайнем правом фланге в Маргграбове и Лыке находились 3-я резервная дивизия и ландверная дивизия Гольца.

Сопоставив расположение русских и германцев, видно, что 11 сентября к вечеру только 1-я дивизия 1-го корпуса у Варнена угрожала левому флангу 1-й русской армии.

На 12 сентября Гинденбург поставил своей армии задачу наступать с раннего утра на фронт Тильзит, Пилькален, Вильковишки, а конный корпус Брехта направил на Шаки. 3-я резервная дивизия направлялась в Сувалки с предупреждением, что дальнейшего продвижения на восток не предвидится. Германское командование отменилось от намерения отбросить русских от их путей сообщения на Средний Неман.

12 сентября 1-я армия начала свой отход с боями. Около 13 час. 26-й и 3-й корпуса отошли на линию Куссен, Катенау, Тракенен; 4-й корпус направлялся к Енцунен, в районе Замелюкен (южнее Гумбинена) был 2-й корпус; 20-й корпус находился в очень тяжелом положении в районе Тексельн, Баубельн (севернее Роминтской пущи), причем некоторые его части были окружены у Толмингкемена. Отступление в этот день дальше шло, вследствие отсутствия управления, уже в беспорядке: некоторые части перемешались, обозы, своевременно не убранные, загромождали дороги.

К вечеру 26-й корпус расположился в районе Владиславова, 3-й корпус — в районе Вержболово, 4-й и 2-й своими сохранившими порядок частями сосредоточивались в Вержболово; 20-й корпус отходил с арьергардными боями в район южнее Вержболово.

Таким образом, отступление русских корпусов, предоставленных самим себе, лишенных управления со стороны армейского командования, проходило в полном беспорядке. Это было неудивительно: войска были измотаны трехдневным с боями отступлением днем и ночью. Ренненкампф винил свою конницу в том, что она не донесла своевременно о глубоком обходе его левого фланга. Конечно, конница Рауха и Хана Нахичеванского действовала слабо, однако она давала свои донесения во-время, но не имела технических средств для быстрой их передачи, кроме конных посыльных по кружным путям. Кроме того, и Раух и Хан Нахичеванский не получали из штаба армии никакой ориентировки, а кое что узнавали от ближайших корпусов, которые были сами мало ориентированы, вследствие методов управления Ренненкампфа, мотавшегося по всему району отходящей армии и потерявшего связь со своим штабом.

На 13 сентября германское командование поставило себе задачу напрячь последние усилия для доведения 1-й армии до возможно большего беспорядка и направило для преследования противника 1-й резервный корпус на Шаки, 11-й корпус — на Владиславов, 1-й армейский — на Пильвишки; гвардейскому резервному корпусу было приказано остановиться у Инстербурга и к вечеру 14-го отойти на линию Лабиау, Тапиау, а 20-му и 17-му корпусам выдвинуть к Вержболову только авангарды; главные силы должны были оставаться на месте. Кавалерии было указано идти до Немана.

Обстановка, в которой отходила армия, для Ренненкампфа оставалась неизвестной, он не имел ясного представления не только о противнике, но он мало знал и о своих собственных войсках.

РАССТРОЙСТВО 1-й РУССКОЙ АРМИИ

Схема 63

Корпуса 1-й русской армии выступили самостоятельно, так как никаких распоряжений на 13-е они не получили. 26, 3-й корпуса начали отход с вечера 12-го, 4-й корпус — около полуночи на 13-е. Тылы корпусов были забиты обозами и парками, для упорядочения отхода не было ничего сделано ни армейским, ни корпусными командованиями.

К полудню 13 августа корпуса 1-й русской армии достигли: 26-й — района северо-восточнее Владиславова, 3-й — района Вильковишки, 4-й — Будезеры, Гейсторишки. Разрозненные части 2-го и 20-го корпусов отходили в общем направлении на Олиту и к утру 14-го собрались в районе Мариамполь, Людвинов, Олита. Отряды кавалерии действовали без связи друг с другом, без общего руководства и без определенной задачи, каждый из начальников отрядов сам ставил себе задачи, по своему разумению, не зная, что делают армейские корпуса. Одним словом, вследствие полного отсутствия руководства со стороны армейского командования был полный хаос. Кавалерия не знала, где штаб армии, который все время менял свое месторасположение.

Штаб фронта в лице Жилинского, наконец, уяснил, что в 1-й армии неблагополучно, но вместо того, чтобы самому подойти

вплотную к событиям в армии, командировать туда доверенных лиц, разобраться в обстановке, ограничился донесениями в ставку.

Мы обращаем внимание читателя как на эти донесения, так и на инертность штаба фронта, что было так характерно для русского командования царской армии, старавшегося при неудаче свалить вину на подчиненных.

Жилинский приказывает своему начальнику штаба Орановскому донести в ставку, что «командующий 1-й армией чрезвычайно поздно уяснил себе опасное положение, в котором очутилась его армия, и вместо того, чтобы усиленными переходами вывести армию из-под удара по ее флангу и тылу, сам переезжал с места на место, теряя при этом связь с корпусами. Благодаря этому было упущено много времени, и даже теперь еще нельзя сказать, насколько отход 1-й армии произойдет благополучно». И далее: «Я приказал одним переходом отойти к линии Тракенен, Катенау. Туда отошли 3-й, 26-й корпуса. Остальные три корпуса, из коих 2-й и 20-й составляли заслон к югу, отходили с боем. Но Ренненкампф, положительно лишившийся самообладания, потерял всякую с ними связь. На мой вопрос, дано ли им указание об отходе, получил от штаба ответ, что указание не дано. Я приказал отыскать эти корпуса посылкой офицеров и летчиков... Ренненкампф немедленно бежал в Вильковишки, порвав связь со мной по телеграфу. Он прямо объят паникой и армией управлять не может... Ренненкампфа прошу удалить от командования».

Ренненкампфа мы не можем оправдать, он оказался совершенно неспособным командовать армией против предприимчивого противника, это для него оказалось далеко не то же, что расправляться в революцию 1905 г. с безоружными рабочими на Сибирской железной дороге. Как известно, именно «заслуги» на Сибирской дороге обеспечили этому беспринципному и бездарному самодуру высокое в царской армии положение и впоследствии должность командующего армией.

Получив «донесения» Жилинского, верховное командование решило, что в дальнейшем нужно сохранить то, что осталось от Северо-западного фронта, и отдало распоряжение, чтобы ввиду выяснившейся обстановки на фронте 1-й армии и бесцельности наступления 10-й армии, которая уже не может спасти положение, поставить 10-й армии задачу обеспечивать пути на Гродно и Белосток. Корпусам 2-й армии «не ввязываться в бой с германскими силами и сохранять возможность вполне беспрепятственного отхода за Нарев...».

В эти дни русские армии окончательно одержали победу над австрийцами в Галиции, и австрийцы уже начали отход за р. Сан и на р. Дунаец. Под влиянием неудач в Восточной Пруссии русским командованием в Галиции была проявлена чрезмерная осторожность: галицийские армии были приостановлены для укомплектования и устройства тыла. Австрийским армиям предоставлена была возможность без серьезных помех отойти на Дунаец.

Только 14 сентября Ренненкампф начинает снова «управлять» своей армией. В этот день армии приказано было занять линию Шаки (сев.), Мариамполь, Людвинов, коннице Хана Нахичеван-

ского собраться на левом фланге в районе Кальварии, а на следующий день, 15-го, была назначена дневка.

Германцы в этот день заняли: 1-й корпус — Вильковишки, выдвинув одну дивизию на Мариампольское шоссе, на это же шоссе вышли обе германские кавалерийские дивизии. Теперь же Гинденбург решил вывести из операции 11, 17, 20-й и гвардейский резервный корпуса с 8-й кавалерийской дивизией. Эти войска должны были составить 9-ю армию под командованием Макензена для действий из Ченстоховского района в ивангородском направлении, с целью как бы оказания помощи австрийцам, отступающим на Дунаец, а главным образом для прикрытия Силезии, отечественной провинции, оказавшейся беззащитной при отступлении австрийцев. Остальные войска: 1-й армейский и пока 1-й резервный корпуса, крепостные, резервные и ландверные части оставались в 8-й армии под командой генерала Шуберта для продолжения операций против 1-й русской армии.

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН К 14 СЕНТЯБРЯ

Схемы 62 и 63

14 сентября германцы перешли в наступление в наревском направлении, где русская 2-я армия, дав сильный отпор, во исполнение полученного распоряжения отошла к Нареву. Восточнее ландверная дивизия Гольца, поддержанная Летценским гарнизоном, занимала г. Лык, так как 10-я русская армия отошла к Августову и на линию р. Бобра.

14 сентября корпуса 1-й русской армии собрались: 26-й корпус в районе Средники на Немане, 3-й корпус — западнее Ковенской крепости, 2, 4 и 20-й корпуса остались на позициях в районе Мариамполя. На 15-е была назначена дневка, осуществить которую не удалось.

Ночь на 15 сентября 9-я армия Макензена начала посадку на железную дорогу и 27-го развернулась в Силезии, а 28 сентября начала наступление на Ивангород и Варшаву.

На наревском и августовском направлениях вслед за отводимыми 2-й и 10-й армиями двигались незначительные германские отряды; на неманском же направлении 1-й армейский и 1-й резервный корпуса продолжали свое наступление, причем 15 сентября последний у Средники вел бой с 26-м корпусом, а 1-й корпус тогда же — с Мариампольской группой русских войск.

И здесь, как обычно, общего руководства боем со стороны Ренненкампа не было, так как в самом начале боя Ренненкампф приказал отходить, но командиры корпусов решили иначе и дали противнику сильный отпор.

Фронт продолжал настаивать об отводе армии далее назад, вследствие чего 1-я армия отошла на Средний Неман, обеспечивая за собой переправы от Ковно до Меречи; 2-й армии было приказано оборонять переправы на Нареве от Ломжи до Зегржа; 10-й армии была поставлена задача прикрыть район Белосток, Августов, Гродно, а вновь образованному Варшавскому отряду обеспечить Варшаву от налета и захвата ее кавалерией.

Таким образом, задачи, данные Северо-западному фронту, характеризовались пассивной обороной, что вытекало из того, что с победоносным окончанием операций в Галиции верховное русское командование по требованию своих западных союзников решило начать наступление против Германии, для чего образовать новый фронт на левом берегу Вислы, с задачей вторжения в Силезию.

ОЦЕНКА ОПЕРАЦИИ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Переходя к краткой оценке операции оставления 1-й русской армией Восточной Пруссии, нельзя пройти мимо двух эпизодов, характеризующих цинизм Ренненкампа.

14 сентября, когда Ренненкампу удалось кое-как связаться с корпусами, он, как генерал-адъютант, минуя фронт, доносит в ставку: «Счастлив сообщить для доклада, что все корпуса вышли из боя, хотя некоторые с тяжелыми потерями... даю людям дневку, может быть две, дабы людям основательно поест, выспаться... могу уверенно сказать, неудачная операция эта кончилась, все корпуса, хотя некоторые с большими потерями, вышли из боя. Противнику в значительно превосходных силах не удалось нас отрезать и уничтожить, успех его лишь в том, что заставил незначительно отойти, но и ему это дорого очень обошлось, отдохнем, поедим, приведем себя в порядок и опять будем готовы. Подробности о потерях буду выяснять». Ренненкамп считал, что для того, чтобы «быть готовым», русскому солдату и офицеру нужно только «поспать и поесть» — цинизм выше границ.

На это великий князь Николай ответил: «От всего любящего вас сердца благодарю за радостную весть, поблагодарите героическую 1-ю армию за ее труды. В дальнейшем при вашей энергии и помощи божьей уверен. Генерал-адъютант Николай». Вот два характерных эпизода, когда подчиненный, не зная даже обстановки, обманывает своего начальника. Какая речь могла быть о дневках, когда уже 15 сентября противник насадил у Средники и в районе Мариамполь, когда армия без управления фактически рассыпалась на части различной величины, следовавшие по собственному почину к Неману. Если потери в материальной части и в живой силе были относительно невелики, то этим армейская масса была обязана только самой себе. Если бы «управлял» Ренненкамп, то, может быть, было бы хуже.

В заключение остается мало что сказать. Описанная операция является непосредственным продолжением поражения 2-й армии Самсонова. Если со стороны русского командования проявлена крайняя нерешительность и сумбурное управление доблестно державшимися войсками, то со стороны германского командования мы видим осторожность и нерешительность. 1-я армия, простояв на месте до 9 сентября, дала время Гинденбургу организовать свой маневр правым флангом вне всякого противодействия со стороны Ренненкампа. Назначив для фронтального удара почти 5 корпусов (считая резервы Кенигсберга и Познани) и для флангового — 2 корпуса, Гинденбург опасается удара со стороны правого фланга 1-й армии и дает задачу своим корпусам наступать лишь тогда,

когда обнаружится успех правого крыла (17-й и 1-й корпуса), которые, будучи вчетверо сильнее 43-й пехотной русской дивизии, не говоря уже об артиллерии, действуют вяло и нерешительно.

Русское фронтовое командование было в трудном положении. Неожиданная катастрофа с армией Самсонова открывала Гинденбургу пути через Нарев в полосу между реками Западным Бугом и Вислой. Чтобы спасти не выясненное еще в Галиции положение 4-й и 5-й русских армий, нельзя было уводить 1-ю армию из Восточной Пруссии, с другой стороны, оставление ее там с активными задачами вызывало опасения, что на нее мог теперь обрушиться Гинденбург всеми своими соединенными силами. Кроме того, русское командование должно было демонстрировать верность своим союзническим обязательствам по отношению к Франции. Вопрос о наступлении на Берлин, на чем так настаивали союзники в случае отвода 1-й армии из Восточной Пруссии, отходил на второй план, а этой мысли у союзников политически нельзя было допустить. И вот армия Ренненкампа остается в Восточной Пруссии, но действует пассивно, оборачиваясь все время на Кенигсберг, откуда, по мнению и фронта и армии, может последовать удар как во фланг, так и в тыл.

Германские войска против 1-й русской армии действовали нерешительно, они как бы следовали за ней, но не преследовали, так как получали везде энергичный отпор.

Совершенно неудовлетворительной должна быть признана работа на левом фланге армии Ренненкампа как конной массы в 4½ кавалерийские дивизии, которых было с большим избытком достаточно против 2 кавалерийских дивизий германцев, так и 5 пехотных дивизий, направленных в район Гольдапа и тоже вполне достаточных, чтобы противодействовать всяким попыткам обхода. Все зло русской стороны состояло в отсутствии управления, что вообще характеризовало Ренненкампа как в Гумбиненской, так и в этой операции, когда войска были предоставлены самим себе.

Поведение Ренненкампа в операциях, проведенных в Восточной Пруссии, граничит с прямой изменой и предательством, ибо нельзя представить себе, как мог человек, получивший высшее военное образование, так провести боевую работу своей армии.

Русская 1-я армия понесла в этой операции значительные потери в людях и небольшие в материальной части, что свидетельствует о большой боеспособности войсковых частей, дававших германцам отпор. Даже в самое тяжелое время, когда армия стала за отсутствием управления рассыпаться, отходя в общем направлении за Неман, русские войска вывезли почти всю свою артиллерию, за исключением нескольких батарей, принадлежавших второочередным дивизиям.

Операции в Восточной Пруссии с целью уничтожения невыгодного Восточно-Прусского выступа для обеспечения вторжения в Германию, окончились для русского командования неудачно, но эти операции отвлекли от Франции 2 корпуса и 1 кавалерийскую дивизию, которые в Марнском сражении 5—9 сентября могли бы сыграть свою роль именно потому, что они были сняты с ударного западного германского крыла.